

МРНТИ 16.21.27

<https://doi.org/10.26577/JOS202611831>Ф.Н. Даулет^{1*}, С.Х. Апаева²¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан²Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

*e-mail: fatima-dauletova@mail.ru

КОНЦЕПТ 丢脸 (DIŪLIǎN) – «ПОТЕРЯ ЛИЦА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Данное исследование посвящено концепту 丢脸 (diūliǎn) – «потеря лица», рассматриваемому – как ключевой этнокультурный и когнитивный феномен китайской языково-культурной системы, с акцентом на его языковую репрезентацию и семантическую организацию. Цель статьи состоит в уточнении внутренней структуры данного концепта в китайской языковой картине мира и выявлении основных моделей его функционирования в моральной, эмоциональной и социальной сферах. Исследование опирается на интегрированную методологическую рамку, объединяющую анализ лексикографических дефиниций и данные лингвистического корпуса Пекинского университета языка и культуры (BLCU), отражающие различные этапы лексико-семантической и культурной интерпретации исследуемого феномена. Проведенный анализ свидетельствует о сложной эмоционально-этической природе концепта «потеря лица», в которой индивидуальное переживание неразрывно связано с социокультурными ожиданиями и коллективными формами оценки. Результаты исследования показывают, что в современном китайском дискурсе концепт «потеря лица» сохраняет статус значимого элемента языковой картины мира, формируя представления о репутации, достоинстве и социальном позиционировании личности, а также отражая культурные трансформации современного общества. Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и других гуманитарных дисциплин, обращённых к изучению китайского языкового сознания и традиционных концептов.

Ключевые слова: концепт «потеря лица», китайская лингвокультура, языковая картина мира, корпусный анализ, китайское общество, культурные ценности, психолингвистический механизм.

F.N. Daulet^{1*}, S.K. Apaeva²¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan²Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

*e-mail: fatima-dauletova@mail.ru

The Concept of 丢脸 (diūliǎn, “Loss of Face”) in Chinese Linguoculture: Linguistic Representation and Semantic Structure

This study examines the concept of 丢脸 (diūliǎn) – «Loss of Face» – as a key ethnocultural and cognitive phenomenon within the Chinese linguistic and cultural system, with particular attention to its linguistic representation and semantic structure. The aim of the article is to clarify the internal organization of this concept within the Chinese linguistic worldview and to identify the principal patterns of its functioning in moral, emotional, and social domains.

The research is grounded in an integrated methodological framework that combines the analysis of lexicographic definitions with data drawn from the Beijing Language and Culture University (BLCU) linguistic corpus. These sources reflect different stages in the lexical-semantic and cultural interpretation of the concept under investigation. The analysis demonstrates that the concept of «Loss of Face» possesses a complex emotional and ethical structure, in which individual experience is closely intertwined with sociocultural expectations and collective modes of evaluation.

The findings indicate that, in contemporary Chinese discourse, the concept of «Loss of Face» remains a significant component of the linguistic worldview, shaping perceptions of reputation, dignity, and social positioning, while also reflecting ongoing cultural transformations in modern Chinese society. The results may contribute to further research in linguoculturology, cognitive linguistics, psycholinguistics, and related humanities disciplines concerned with Chinese linguistic consciousness and traditional cultural concepts.

Keywords: concept of «Loss of Face», chinese linguoculture, linguistic worldview, corpus analysis, chinese society, cultural values, psycholinguistic mechanism.

Ф.Н. Дәулет^{1*}, С.Х. Апаева²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

²Жүсіп Баласағұн атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек, Қырғызстан

*e-mail: fatima-dauletova@mail.ru

Қытай лингвомәдениетіндегі 丢脸 (diūliǎn) – «беттен айырылу» концептінің тілдік репрезентациясы және семантикалық құрылымы

Зерттеу жұмысы қытай лингвомәдени жүйесіндегі негізгі этномәдени және когнитивтік феномендердің бірі болып саналатын 丢脸 (diūliǎn) – «беттен жұрдай болу» концептіне, оның тілдік бейнесі және семантикалық құрылымын талдауға арналған. Мақаланың негізгі мақсаты – аталмыш концептінің дәстүрлі қытай лингвомәдениетіндегі ішкі формасын нақтылау арқылы «тілдегі әлемдік бейнені» ашып көрсетумен бірге, оның моральдық, эмоциялық әрі әлеуметтік салаларда жүзеге асу модельдерін айқындау. Зерттеу жұмысы лексикографиялық деректерден алынған үлгілерге, Бейжің тіл және мәдениет университетінің лингвистикалық корпусы материалдарына сүйене отырып, аталмыш концептінің түрлі тілдік-мағыналық және мәдени қырларын ашып, оларды біртұтас жүйе аясында қарастыратын кешенді әдістемелік негізге сүйенеді. Жүргізілген талдау 丢脸 (diūliǎn) концептінің күрделі эмоциялық-этикалық сипатқа ие екенін көрсетеді. Дәстүрлі түрде ұят, қорлану және моральдық мәртебеден айырылу ұғымдарымен тығыз байланыста қолданылатын бұл концепт семантикалық тұрақтылығын сақтай отырып, қазіргі қытай дискурсында семантикалық өрісінің кеңейіп келе жатқанын да көрсетеді. Жалпы алғанда, зерттеу нәтижелері 丢脸 (diūliǎn) концепті қытай дәстүрлі лингвомәдениетінде әлі де маңызды мәдени бірлік ретінде сақталып, бедел, абырой және әлеуметтік статус туралы түсініктерді қалыптастыруда маңызды рөл атқаратындығын, сонымен бірге, қазіргі қоғамдағы мәдени өзгерістерді де бейнелейтінін ашып көрсетті. Зерттеу барысында қол жеткізген нәтижелерді лингвомәдениеттану, когнитивтік лингвистика, психолінгвистика салаларында, сондай-ақ қытай тілдік санасы мен дәстүрлі концептілерін зерттеуде әдіснамалық негіз ретінде қолдануға болады.

Түйін сөздер: 丢脸 концепті, қытай лингвомәдениеті, тілдегі әлемнің бейнесі, корпустық талдау, қытай қоғамы, мәдени құндылықтар, психолінгвистикалық механизм.

Введение

В современном языкознании язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как важнейший механизм сохранения исторической памяти, культурного опыта и системы ценностей народа. В условиях глобализации и интенсивного развития межкультурных контактов особую актуальность приобретает изучение языковых единиц, в которых наиболее полно отражаются национально-культурные особенности, мировоззрение и социальные нормы языкового сообщества. Именно через язык передаются представления общества о чести, достоинстве, нравственных идеалах, моделях поведения и оценке личности.

В этом контексте лингвокультурная специфика понимается как результат языковой репрезентации действительности, отражающий исторически сложившиеся когнитивные модели, систему ценностей и социальный опыт определённого народа. Особое место среди подобных языковых единиц занимают концепты, аккумулирующие наиболее значимые для культуры представления и нормы общественной жизни.

Одним из центральных концептов китайской лингвокультуры является концепт «лицо» (面子

/ 脸面), который отражает систему общественных отношений, морально-этические нормы и механизмы социальной оценки личности. В китайской культуре сохранение «лица» традиционно рассматривается как одна из важнейших духовных и социальных ценностей, определяющих поведение человека в семье, обществе и профессиональной сфере. Соответственно, «потеря лица» – 丢脸 [diūliǎn] воспринимается не просто как эмоциональное переживание стыда или неловкости, а как серьёзная потеря общественного достоинства, репутации и уважения окружающих.

Подобное понимание неоднократно отмечалось как китайскими, так и зарубежными исследователями. Линь Юйтан образно писал, что для китайцев «лицо» обладает большей силой, чем судьба, и пользуется большим уважением, чем конституция, поскольку именно ради сохранения лица человек выстраивает свое поведение в обществе. Лу Синь, Ху Сяньцин, Дэвид Хо, Артур Смит, Дж. Макгован и современные китайские исследователи также рассматривали «лицо» как один из ключевых механизмов социальной регуляции, определяющий нормы поведения, коммуникации и межличностной оценки в китайском обществе.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых концепту «лицо» (面子 / 脸面), его важная составляющая – концепт 丢脸 («потеря лица») – до настоящего времени практически не рассматривалась как самостоятельный объект системного лингвокультурного анализа. Отдельные аспекты данного феномена затрагивались в трудах западных миссионеров прошлого века и современных исследователей, однако преимущественно в контексте теории вежливости, социальной психологии и межличностной коммуникации. Между тем специальных исследований, основанных на корпусных данных, лексикографическом материале и эмпирическом анализе различных типов китайского дискурса, до сих пор явно недостаточно. Именно это обстоятельство обуславливает необходимость изучения указанного концепта как самостоятельной лингвокультурной единицы, которая через язык отражает механизмы общественной оценки, представления о чести, достоинстве, репутации и социальном статусе личности в китайской языковой картине мира.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании семантической структуры, национально-культурной специфики и диахронической эволюции концепта 丢脸 «потеря лица» в китайской лингвокультуре. Для достижения поставленной цели в работе анализируются данные лексикографических источников, классических письменных памятников, Национального корпуса китайского языка, а также материалы современных медиатекстов и интернет-дискурса. Особое внимание уделяется выявлению ядерных и периферийных компонентов концепта, способам его языковой объективации и изменениям семантики в различные исторические периоды развития китайского языка.

Материалы и методы

В существующей научной традиции концепт «лица» рассматривается как один из наиболее полно исследованных элементов китайской лингвокультурной системы. В методологическом плане исследование опирается на положение Ян (2012: 231) о том, что *renqing* и *mianzi* образуют две базовые категории, ради которых человек фактически «живет» в китайском обществе. В этой связи в работе ставится вопрос о том, что означает утрата лица для носителя китайской культуры и каким образом она функционирует как инструмент социальной регуляции.

Методологическую основу исследования также составляют подходы, представленные в трудах Гу (1990), Мао (1994) и Чэнь (1993), согласно которым прагматические механизмы функционирования «лица» предполагают не только его поддержание, но и постоянно присутствующий риск его утраты. Данная позиция делает анализ концепта 丢脸 необходимым условием целостного описания китайской коммуникативной этики.

В исследовании учитываются и выводы Карла Г. Хинзе (2012), посвящённые деловым переговорам, дипломатическим взаимодействиям и иным конкурентным социальным контекстам, где феномен «лица» рассматривается как источник как вежливого, так и невежливого поведения. Отмечается, что забота о *mianzi* может мотивировать стратегическую агрессию, избирательное сокрытие информации и различные формы статусной манипуляции, непосредственно связанные с угрозой или фактом утраты лица.

Работа строится в диахронической перспективе, в рамках которой потеря лица анализируется как когнитивный механизм, отражающий изменения в ценностных иерархиях китайской культуры – от конфуцианских норм *li* (礼) и *renqing* (人情) к современным представлениям об индивидуальной репутации, профессиональной компетентности и социальной видимости. Диахронический анализ позволяет проследить трансформацию традиционных моральных кодексов под влиянием модернизации, цифровой коммуникации и глобализированных форм публичности.

Методологический подход включает также принципы межкультурной прагматики и переводоведения (Brown & Levinson, 1987; Kádár & Naugh, 2013; Hinze, 2012), акцентирующие отсутствие прямых эквивалентов феномена «потери лица» в европейских языках и связанные с этим риски интерпретационных искажений в межкультурной коммуникации.

В исследовании применяются следующие методы:

метод диахронического лингвокультурного анализа, включающий лексикографический (дефиниционный) анализ двуязычных и фразеологических словарей, а также анализ классического художественного дискурса, что позволяет выявить историческую глубину концепта и проследить эволюцию механизмов утраты лица на различных этапах развития китайского общества;

метод социопрагматического дискурс-анализа, основанный на исследовании материалов прессы и направленный на выявление факторов, провоцирующих утрату лица в китайской коммуникации, формирующих её социопрагматические последствия и отражающих идеологические механизмы данного типа дискурса;

метод дискурсивно-семантического анализа, реализованный посредством корпусного анализа данных BLCU (разделы *Classical and Pre-modern Chinese, Press Discourse, Textual Retrieval, Literary Texts, Dialogues*), что позволяет определить языковые средства и дискурсивные механизмы вербализации концепта «потери лица»

метод когнитивно-дискурсивного анализа, основанный на изучении интернет-дискурса и повседневной коммуникации, что позволяет проанализировать трансформацию традиционных конфуцианских этических норм в условиях современного китайского общества.

Исследование проводилось в несколько последовательных этапов:

На первом этапе были проанализированы лексикографические дефиниции концепта «потеря лица» в *Большом китайско-русском словаре* (далее – БКРС) – крупнейшем лексикографическом ресурсе данного типа, включающем около 16 000 иероглифических статей и свыше 250 000 производных слов и выражений.

На втором этапе были выявлены доминирующие семантические группы концепта 丢脸 на основе анализа одноязычных и двуязычных фразеологических словарей. В качестве источников были использованы крупнейшие современные словари китайских фразеологизмов: *汉语成语大词典* (2002), *中国成语全集* (2005), *中华成语大词典* (2010), *古汉语成语词典* (2008).

На третьем этапе был проведён корпусный анализ лексемы 丢脸 с использованием лингвистической базы данных BLCU (Beijing Language and Culture University), что позволило проследить функционирование концепта в различных типах дискурса и выявить его семантическую динамику.

Обзор литературы

Концепт «лица» как социальное явление привлёк внимание китайских исследователей уже в первой половине XX века. Так, Линь Юйтан определял его как «нечто более могуществен-

ное, чем судьба, и более уважаемое, чем Конституция; нечто, ради чего люди в Китае живут» (Lin, 1936: 190-191). Будучи одним из ключевых ментальных конструкторов китайской лингвокультурной системы, отражающим нормы социального поведения современного китайского общества, концепт «лица» рассматривается как в ранних исследованиях (Hu, 1944; Ho, 1976), так и в трудах современных китайских учёных (Huang, 2010; Qi, 2011; Zhai, 2011; Yang, 2012).

Дж. Макгован, прибывший в Китай во второй половине XIX века, в книге «Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни» отмечал, что «лицо» является одним из наиболее значимых культурных феноменов китайского общества, «посредством которого каждый китаец в определённой степени становится актёром, а вся китайская жизнь – театром» (McGowan, 2017: 45). Сходную мысль высказывал и другой миссионер – Артур Смит, рассматривавший «лицо» как важнейший социальный инструмент, через который проявляются «драматические инстинкты китайцев» (Smith, 1890).

Исследования, посвящённые концепту «лица», образуют устойчивый и обширный корпус научной литературы. Значительная часть работ рассматривает данный концепт в рамках теории языковой вежливости. Так, Гу Юэго (1990) показал, что китайская модель вежливости ориентирована на сохранение как морального лица (lian), так и социального лица (mianzi): «вежливость в китайском взаимодействии внутренне связана с поддержанием нравственного достоинства и социального образа личности» (Gu, 1990: 243).

Развивая данное положение, Мао Люмин (1994) подчёркивает, что китайское «лицо» представляет собой «реляционно-риторический конструкт, глубоко укоренённый в конфуцианской этике» (Мао, 1994: 457), что позволяет рассматривать его как ключевой элемент соматического кода китайской культуры и носитель устойчивой системы ассоциаций, образов и символов. В рамках традиционной языковой картины мира эта система играет фундаментальную роль в формировании ментальности, социальных установок и моделей поведения (Daulet et al., 2019: 703).

В большинстве исследований, включая вышеупомянутые, концепт «лица» трактуется преимущественно как категория, реализующая стратегии вежливости. Однако данная позиция не является единственной. Как отмечает Карл

Г. Хинзе, в современном китайском коммуникативном дискурсе «лицо» может мотивировать не только вежливость, но и невежливость (Hinze, 2012: 11), что позволяет говорить о двойственной, а в определённых контекстах и антагонистической природе данного концепта.

Аналогичная точка зрения прослеживается и в работах других синологов. Так, Даниэль З. Кадар и Майкл Хауг указывают, что в переговорных ситуациях с участниками, находящимися на разных социальных уровнях и обладающими различным реляционным статусом, «лицо» может становиться объектом манипуляции и даже целенаправленной атаки (Kádár, Haugh, 2013: 62). Это свидетельствует о том, что концепт «лица» в китайском обществе не может рассматриваться исключительно как позитивное явление или как категория, ориентированная лишь на поддержание гармонии.

Внутренняя антагонистичность структуры концепта «лица» подробно осмысливается и в трудах известных китайских просветителей. Так, ещё в начале XX века Лу Синь в эссе «О лице» (说面子) отмечал, что в повседневной практике стремление «сохранить лицо» неразрывно связано с возможностью его «потерять», что демонстрирует гибкость данного концепта и его зависимость от конкретной коммуникативной ситуации (Lu Xun, 1934).

Подобная структурная двойственность позволяет рассматривать концепт «потери лица» как аналитически самостоятельный и методологически значимый объект исследования, а не как периферийное проявление категории «лица». Именно эта особенность получила дальнейшее осмысление в современных исследованиях, посвящённых психологическим, социальным и поведенческим аспектам концепта «лица».

Психологический и поведенческий аспекты концепта «лица» получили развитие в современных эмпирических исследованиях. Так, Д. Конг, И. Вонг и С. Дун рассматривают ценности «сохранения лица» как культурно обусловленный психологический фактор. На материале пожилых китайцев, проживающих в США, авторы показывают, что более высокий уровень ориентации на «сохранение лица» статистически связан с более выраженными симптомами депрессии. Данная работа важна тем, что переносит анализ «лица» из сферы межличностной вежливости в область психического здоровья и демонстрирует: стремление сохранить социально приемлемый образ может затруднять открытое

обсуждение психологических проблем (Kong et al., 2020).

Организационно-поведенческое измерение концепта 面子 раскрывается в исследовании Б. Чжоу и его соавторов. Авторы анализируют «сознание лица» как фактор неэтичного поведения, совершаемого в интересах организации. Новизна данной работы состоит в том, что «лицо» рассматривается не только как индивидуальная потребность в признании, но и как механизм служебных взаимодействий. Высокая согласованность установок, связанных с «лицом», усиливает зависимость работника от внешней оценки и может повышать вероятность действий, направленных на поддержание статуса в группе, даже если такие действия вступают в противоречие с этическими нормами (Zhou et al., 2024).

Особый интерес представляет китайско-язычное исследование Янь Цзыин, Лянь Тинцзя и Чжэн Сяофэн, посвященное пониманию 面子 молодыми людьми. Авторы показывают, что «лицо» воспринимается как показатель значимости человека в глазах других и связано с самоуважением, социальной оценкой, признанием и чувством собственной ценности. На основе нарративных интервью выделяются четыре стадии формирования «лица»: зарождение, установление, поддержание и реконструкция. Эта работа важна для настоящего исследования, поскольку показывает динамическую природу 面子: оно не является неизменной социальной маской, а меняется в зависимости от возраста, жизненного этапа, учебной или профессиональной среды (Yan et al., 2024).

В работах, посвященных потребительскому поведению, концепт «лицо» рассматривается как мотивационный фактор статусного и демонстративного потребления. Г. Сун, Ф. Шэнь и С. Ма показывают, что в китайском онлайн-потреблении стремление «получить лицо» связано с материалистическими установками и особенно ярко проявляется у потребителей, чувствительных к цене. Иными словами, покупка становится не только экономическим актом, но и способом символического подтверждения социального статуса (Sun et al., 2021).

Сходное направление развивают М. Тан и соавторы, рассматривая «сознание лица» в связи с карьерным поведением китайских сельских жителей, работающих или проживающих в городах. Авторы показывают, что страх «потерять лицо» снижает предпринимательские намерения, тогда как стремление «получить лицо» не оказывает

прямого значимого влияния. Для настоящего исследования это наблюдение особенно важно, поскольку оно подтверждает асимметрию между «получением лица» и «потерей лица»: именно угроза утраты лица оказывается более сильным поведенческим регулятором (Tang et al., 2022).

В цифровом контексте концепт 面子 косвенно соотносится с проблемой публичной самопрезентации и демонстративного потребления. Л. Сюй и соавторы анализируют влияние использования социальных сетей на демонстративное потребление китайских студентов. Авторы показывают, что интенсивность пользования социальными сетями усиливает восходящее социальное сравнение, а оно, в свою очередь, способствует демонстративному потреблению. Хотя данная работа не сосредоточена непосредственно на концепте 面子, её выводы важны для понимания того, как традиционная установка на социальную оценку и публичное признание переносится в пространство цифровой коммуникации (Xu et al., 2023).

Рассмотренные исследования свидетельствуют о существенном расширении проблематики изучения концепта «лица» и демонстрируют его значимость для объяснения различных форм социального поведения. Анализ научной литературы показывает, что концепт «лица» активно изучается в различных исследовательских направлениях – политологии, психологии, конфликтологии, организационном поведении, потребительских практиках, карьерной мотивации и цифровой коммуникации. В этих работах 面子, как правило, рассматривается преимущественно как социально-психологический, этико-прагматический и поведенческий фактор.

Вместе с тем, собственно, лингвокультурное и лингвокогнитивное содержание концепта «лица», особенно концепта «потери лица», его семантическая структура, способы языковой объективации, а также историко-диахроническая эволюция и семантическая динамика остаются недостаточно разработанными и требуют системного лингвистического анализа.

Восполнению указанного пробела были посвящены проведённые нами ранее исследования (Даулет, 2019; Daulet et al., 2019; Даулет, 2020;), позволившие установить, что концепт «лицо» представляет собой одно из ключевых ментальных образований китайской лингвокультуры, обладающее сложной когнитивной структурой и широким интерпретационным полем. На основе лексико-семантического анализа, ассоци-

тивного эксперимента и социолингвистического опроса было показано, что в языковом сознании носителей китайского языка представления о «лице» устойчиво актуализируют ассоциации, связанные с его сохранением, утратой, восстановлением и публичной оценкой.

Полученные результаты позволили сделать вывод, что концепты «лицо» и «потеря лица» образуют единую когнитивную систему, что подтверждает мысль Лу Синя о неразрывной связи стремления «сохранить лицо» с возможностью его «потерять». Вместе с тем указанные исследования были сосредоточены преимущественно на синхронном описании данных концептов. Их историко-диахроническая эволюция, семантическая динамика и механизмы формирования концепта «потери лица» до настоящего времени специально не исследовались, что и определяет научную новизну настоящей работы.

Результаты и дискуссия

Лексикографические дефиниции концепта «потеря лица»

В *Большом китайско-русском словаре* (БКРС) – крупнейшем лексикографическом ресурсе данного типа, содержащем около 16 000 иероглифических статей и более 250 000 производных слов и выражений и основанном на фундаментальных китайских словарях *Xiandai Hanyu Cidian* (《现代汉语词典》), *Hanyu Da Cidian* (《汉语大词典》), *Cihai* (《辞海》), *Zhonghua Chengyu Dacidian* (《中华成语大词典》) и *Hanyu Chengyu Da Cidian* (《汉语成语大词典》), – концепт «потеря лица» представлен в лексическом гнезде 丢 diū ‘терять’.

Анализ лексикографических данных данного гнезда показывает, что основные значения концепта «потеря лица» выражаются прежде всего глагольными единицами: 丢脸 [diūliǎn], 丢面 [diūmiàn], 丢面子 [diūmiànzi] (при этом 丢脸, 丢面 и 丢面子 рассматриваются как абсолютные синонимы), а также 丢丑 [diūchǒu], 丢丑失面子 [diūchǒu-shīmiànzi], 丢人 [diūrén], 丢人现眼 [diūrén-xiànyǎn], 丢人现世 [diūrén-xiànshì].

Проведённый анализ позволяет выделить четыре основных семантических домена, структурирующих концепт «потеря лица»:

1. «Потеря лица» как моральное и социальное поражение;
2. «Потеря лица» как угроза социальному статусу, реализующаяся в публичном пространстве;

3. «Потеря лица» как следствие попадания в унижительную или компрометирующую ситуацию;

4. дополнительные оценочные значения, связанные с дискредитацией на основе переживания стыда (БКРС, т. 4: 977).

В указанных выше крупнейших современных фразеологических словарях концепт 丢脸 представлен в форме четырёхзначных выражений – чэньюев (成语) и дяньгу (典故), пословиц и поговорок (谚语), афористических изречений (格言), так называемых сехоуэй (歇后语) – иносказательных двухчастных высказываний, а также устойчивых трёхзначных выражений гуаньюньюй (惯用语), в которых отражены основные семантические значения концепта «потеря лица» и связанные с ним смысловые оттенки.

Указанные фразеологические словари также включают трёхзначные устойчивые обороты – 丢面子, 没面子, 丢体面, 失面子, 丢份儿, – находящиеся в одной семантической плоскости. Настоящее исследование в большей степени сосредоточено на концепте 丢脸, поэтому в рамках статьи мы ограничиваемся перечислением тех семантических доменов, которые актуализирует данный концепт и сопряжённые с ним единицы.

Наиболее многочисленная группа относится к общей категории «позор и унижение»: 丢人现眼 [diū rén xiàn yǎn] – «позориться» и 颜面扫地 [yán miàn sǎo dì] – «лицом вытер землю», где репрезентирована глубокая утрата достоинства без конкретной персонализации.

Домен «личное переживание стыда» представлен формулами 汗颜无地 [hàn yán wú dì] – «лицо покрылось потом», подчёркивающей внутреннее чувство стыда и ощущение невозможности «найти себе место», 大失颜面 [dà shī yán miàn] – «начисто потерял лицо», 灰头土脸 [huī tóu tǔ liǎn] – «голова в пепле, лицо в грязи», 脸红耳赤 [liǎn hóng ěr chì] – «лицо и уши покраснели». Эти выражения свидетельствуют, что личный стыд связан не только с «потерей» лица, но и с его покраснением, испариной (ср. русск. *весь покраснел, покрылся испариной*; каз. *уялганнан қып-қызыл болып кетті, қысылганнан терлеп кеттім*).

Корпусный анализ с использованием лингвистической базы данных BLCU

Для более детального изучения диахронических трансформаций концепта «потери лица» был привлечён авторитетный лингвистический корпус Пекинского университета языка и куль-

туры (BLCU). В данном корпусе лексема 丢脸 представлена в нескольких крупных разделах: художественные тексты (文学) – 909 употреблений; медиадискурс (报刊) – 891; диалоги (对话) – 3 368; результаты поиска на уровне текста (篇章检索) – 3 682; тексты на классическом китайском языке (古汉语) – 148 употреблений (BLCU language corpus, 丢脸 section). Такое распределение свидетельствует о широкой жанровой представленности и высокой семантической продуктивности лексемы 丢脸, а также о её устойчивости и значимости в различных исторических периодах и коммуникативных контекстах.

Репрезентация значений концепта «потери лица» в разделе 古汉语 (классический и доклассический китайский язык)

Согласно выборке из 148 контекстов раздела 古汉语 (классический и доклассический китайский язык), включающей преимущественно минско-цинскую беллетристику (明清白话小说), романы главного типа (章回小说), позднечинские чиновничьи романы (晚清官场小说), социальную прозу республиканского периода (民国社会小说), а также судебные повествования, записки, военные архивы, мемориалы и местные хроники (公案、笔记、军机档、奏折、地方志), результаты ручной семантической разметки показывают следующую картину распределения значений лексемы 丢脸:

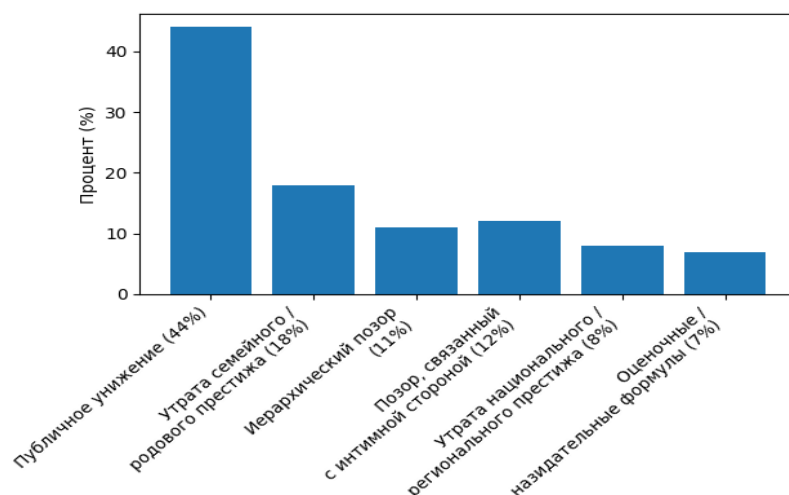
Ручная семантическая разметка показывает, что употребления лексемы 丢脸 соотносятся с несколькими устойчивыми семантическими значениями. Прежде всего, концепт выражает личное публичное унижение, связанное с неспособностью выполнить ожидаемое действие или соответствовать социальным требованиям (например: «这点小事都办不好, 多么丢脸!» – «Не справиться даже с таким пустяком – какой позор!»). Значительная часть контекстов отражает бесчестье семьи или утрату родового престижа, когда поведение индивида интерпретируется как позор для предков или всей семьи (например: «你这样行事, 是给祖宗丢脸.» – «Поступая так, ты позоришь своих предков»; «若不去, 岂不是让全家丢脸?» – «Если я не вернусь, разве это не станет позором для всей семьи?»). Отдельную группу составляют случаи, связанные с подрывом авторитета старших или вышестоящих лиц, где «потеря лица» означает нанесение ущерба статусу руководителя или представителя власти (например: «做不好, 便是给老

相国丢脸。” – «Если не справлюсь, опозорю старшего министра»). Также фиксируются контексты, обозначающие моральный или интимно обусловленный позор, связанный с нарушением

норм нравственности или сексуальной сдержанности (например: «被人调戏成这样，她怎不丢脸?» – «После такого унижения разве она не почувствует позор?»).

Гистограмма 1

Семантическое распределение концепта «Потеря лица» по разделу 古汉语 (классический и доклассический китайский язык), 148 контекстов

Отдельно выделяются случаи, в которых концепт относится к ущербу национальному или региональному престижу, когда действия индивида воспринимаются как позор для народа или территории (например: «如此软弱，岂不替中国人丢脸?» – «Такая слабость разве не позор для китайцев?»); «外交失据，真叫湖南人丢脸。」 – «Этот дипломатический просчёт действительно позорит жителей Хунани»).

Наконец, часть употреблений представлена оценочными и назидательными формулами, функционирующими как средство морального порицания и социального давления (например: «你丢脸不丢脸?» – «Тебе не стыдно?»). Таким образом, данные раздела 古汉语 (классический и доклассический китайский язык) лингвистического корпуса BLCU демонстрируют устойчивую семантическую структуру концепта «потеря лица» уже в классических и доклассических источниках, где он функционирует как значимый механизм социальной оценки и нормативной регуляции поведения.

Семантический профиль концепта «потеря лица» в разделе 报刊 (медиадискурс)

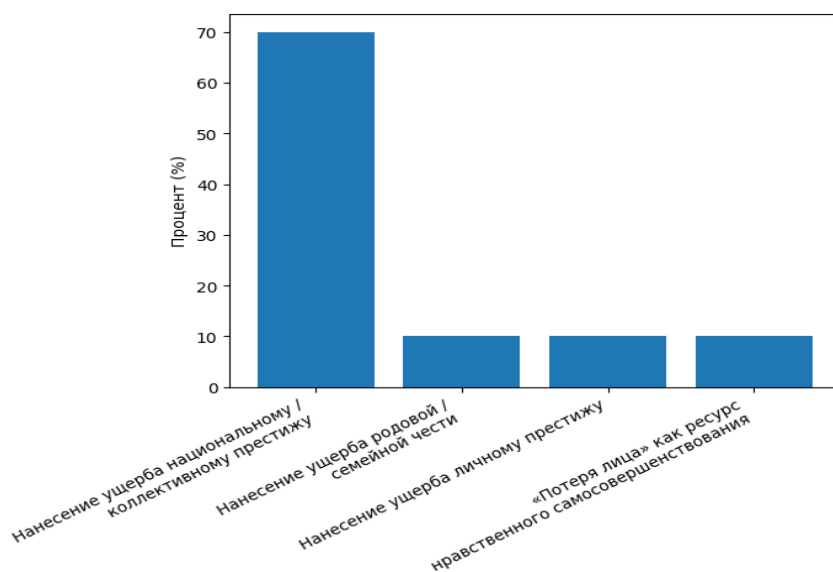
Анализ метаданных употребления концепта 丢脸 в разделе 报刊 корпуса BLCU (включающем материалы ведущих китайских газет и журналов за последние 10–20 лет) выявляет его выраженный оценочный характер и определённую семантическую направленность. В современном публицистическом дискурсе 丢脸 прежде всего обозначает угрозу «коллективному лицу» – лицу нации, государства, партии или социального сообщества – и лишь во вторую очередь связано с индивидуальным чувством стыда. Семантическое распределение представлено следующими группами значений: 1) «Потеря лица» как ущерб национальному или коллективному престижу: 丢国家的脸 («опозорить страну»), 给中国人丢脸 («опозорить китайцев»); 不给工厂丢脸 («не опозорить завод»), 不给首都丢脸 («не опозорить столицу»), 不给家乡丢脸 («не опозорить родной край»); 3) «Потеря лица» как утрата семейной

или родовой чести: 给家里丢脸 («опозорить семью»), 给爸妈丢脸 («опозорить родителей»), 给祖宗丢脸 («опозорить предков»); 4) «Потеря лица» как личное смущение или ущерб индивидуальному имиджу: 怕丢脸 («бояться опозориться»), 太丢脸了 («какой позор!»), 觉得很丢脸 («чувствовать стыд»), 在大家面前丢脸 («потерять лицо на глазах у всех»); 5) «Потеря лица»

как путь к нравственному совершенствованию: 有错改错不是丢脸, 更是光荣 («исправлять ошибки – не позор, а честь»), 怕丢脸反而更容易丢脸 («чем больше боишься потерять лицо, тем легче его потерять»), 不要把错误看成丢脸 («не следует воспринимать ошибку как потерю лица»), 不怕丢脸反倒可能不丢脸 («не боясь потерять лицо, можно его сохранить»).

Гистограмма 2

Семантическое распределение концепта «Потеря лица» по разделу медиадискурс (报刊), 891 контекста

Результаты корпусного анализа по разделу медиадискурс показывают, что базовые значения концепта 丢脸 в целом сохраняют традиционную семантику «потери лица». Однако распределение контекстов демонстрирует отчетливый сдвиг в сторону значений, связанных с национальным престижем и коллективным позором. Данная тенденция во многом может быть обусловлена идеологической и воспитательной функцией ведущих государственных СМИ, в дискурсе которых доминирует риторика защиты национального и социального «лица».

В то же время появление формул типа «有错改错不是丢脸, 更是光荣», «愈怕丢脸, 一定会丢脸», «不怕丢脸, 反倒可能不丢脸» свидетельствует о том, что в современном медиадискурсе концепт «Потеря лица» функционирует не только как маркер стыда, но и как инструмент нравственного воспитания. В подобных контекстах «потеря лица» переосмысливается как

условие личностного роста, самокоррекции и формирования добродетели, что указывает на появление позитивно-оценочного измерения данного концепта в современном китайском дискурсе.

Распределение значений концепта «Потеря лица» в подкорпусе 对话 (диалоги)

В языковом корпусе BLCU раздел 对话 включает 3 368 примеров, извлечённых из чатов и комментариев современной интернет-коммуникации (включая такие платформы, как Weibo (微博), Xiaohongshu (小红书), Douyin (抖音), WeChat Channels / Moments (视频号 / 朋友圈), Zhihu (知乎), Toutiao (今日头条), Kuaishou (快手) и Bilibili (哔哩哔哩)). Анализ этих данных показывает, что лексема 丢脸 демонстрирует тенденцию к семантическому расширению и снижению коммуникативной и эмоциональной интенсивности.

Для участников онлайн-взаимодействия «потеря лица» уже не воспринимается как нечто фатальное или социально разрушительное событие; напротив, она нередко приобретает игровой, юмористический и самоироничный характер. Наряду с традиционными употреблениями, связанными с публичным позором и ущербом коллективной репутации – такими как «给国家丢脸» («опозорить страну») и «真给我们辽宁人丢脸» («действительно опозорил нас, жителей Ляонина»), – в корпусе зафиксировано большое количество примеров, отражающих повседневную неловкость и самоиронию, например: «好丢脸,哈哈» («такая потеря лица, ха-ха»), «手癌打错字,好丢脸» («из-за “кривых пальцев” напечатал не тот иероглиф – так неловко (букв. «потерял лицо»)), «喝醉了丢脸啊» («напился до чёртиков – такая потеря лица!»). Также представлены формульные выражения внутригрупповой регуляции, такие как «别给我丢脸» («не позорь меня» букв. «не заставляй меня потерять лицо») и «不能给偶像丢脸» («непозволительно заставить кумира по-

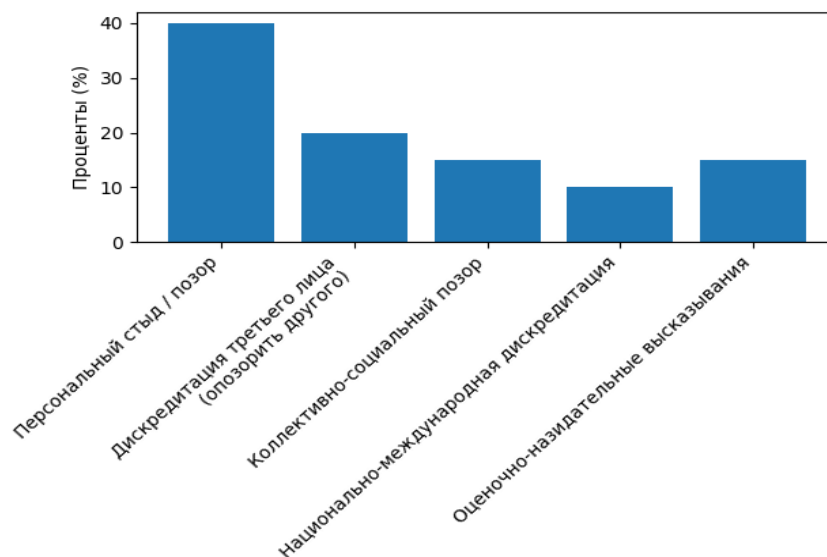
терять лицо», в значении – «нельзя позорить своего кумира»)), которые выполняют функцию контроля поведения в семье, среди сверстников или в фан-сообществах.

Особый интерес представляют метакоммуникативные высказывания, в которых пользователи прямо обсуждают и переосмысливают критерии «потери лица», задавая вопрос о том, что именно следует считать подлинным позором. Показателен пример: «不丢人,要勇敢说,没勇气说才丢人呢» – «Нужно смело высказаться, и это вовсе не потеря лица; по-настоящему было бы позорно, если бы не имел мужества высказаться».

Эти наблюдения указывают на постепенную трансформацию традиционных норм, связанных с категорией «лица», в современном китайском социуме. Носители языка проявляют более высокую степень толерантности к индивидуальной неловкости и склонны интерпретировать потенциально «позорные» ситуации менее драматично по сравнению с их восприятием в рамках классической культурной модели.

Гистограмма 3

Семантическое распределение концепта «Потеря лица» по разделу Диалоги (对话), 891 контекста

Распределение значений концепта «потеря лица» в подкорпусе 篇章检 (Текстовый поиск)

В разделе корпуса 篇章检索 представлено 3368 контекстуальных фрагментов, извлечен-

ных из широкого спектра современных китайских текстов, включая художественную прозу, публицистические материалы, новостные сообщения, расшифровки устной речи, блоги, форумы и иные источники. Анализ данного массива

показывает, что лексема 丢脸 функционирует как многослойный эмоционально-социальный маркер, отражающий индивидуальный аффективный опыт, межличностные ожидания и групповые нормативные установки.

Ручная семантическая разметка позволила выделить пять основных тематических категорий:

1) Индивидуальное переживание стыда и его коммуникативная трансформация (в том числе с элементами самоиронии): 好丢脸, 哈哈 («Какая потеря лица, ха-ха», в знач. «Так стыдно, ха-ха»); 丢脸死了 («До смерти потерял лицо», в знач. «Испытать сильнейшее чувство стыда»);

2) Интеракционные требования и социальное давление: 别给我丢脸 («Не заставляй меня потерять лицо», в знач. «Не позорь меня» / «не подведи меня»); 给爸妈丢脸 («Заставить родителей потерять лицо», в знач. «Опозорить родителей»); 给老师丢脸 («Заставить учителя потерять лицо», в знач. «Подвести преподавателя»);

3) Коллективная потеря лица (образовательные учреждения, региональные сообщества, фан-группы и др.): 给长沙人保证丢脸 («Заставить жителей Чанша потерять лицо», в знач. «Опозорил жителей Чанша»); 给南京大学

丢脸 («Заставить Нанкинский университет потерять лицо», в знач. «Опозорил Нанкинский университет»); 给鹿饭丢脸 («Заставить фан-сообщество потерять лицо», в знач. «Опозорил фан-сообщество»);

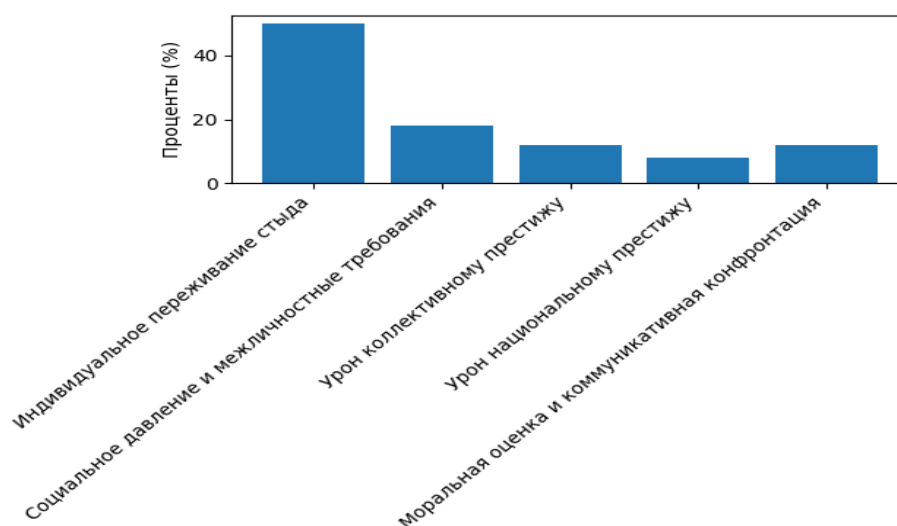
4) Национальный образ и его международная проекция: 给中国人丢脸 («Заставить китайцев потерять лицо», в знач. «Опозорил всех китайцев»); 丢脸丢到国外 («Потерять лицо за границей», в знач. «Опозориться на международном уровне»);

5) Коммуникативная конфронтация и моральная оценка: 你不觉得你很丢脸吗 (букв. «Тебе не кажется, что ты теряешь лицо?», в знач. «Как тебе не стыдно»); 没文化才丢脸 («Отсутствие культуры – это и есть потеря лица», в знач. «Бескультурье является постыдным»); 有什么好丢脸的 («Нет ничего такого, что вело бы к потере лица», в знач. «Нет ничего постыдного»).

В целом корпусный материал свидетельствует о существенной коммуникативно-прагматической трансформации концепта «лица» в современном китайском дискурсе. В современной китайской лингвокультуре данный концепт выступает важным индикатором социальных ценностей, поведенческих норм.

Гистограмма 4

Семантическое распределение концепта «Потеря лица» по разделу «Текстовый поиск» (篇章检索) 3682 контекста

Репрезентация значений «потери лица» в разделе литературных текстов

Анализ употребления лексемы **丢脸** в литературном дискурсе корпуса BLCU, включающего 909 примеров из произведений современной китайской литературы (преимущественно последних 20–30 лет), позволяет выделить следующие семантические группы: 1) «Потеря лица» как личный позор и негативное эмоциональное переживание. В данную группу входят контексты, в которых **丢脸** выражает индивидуальное чувство стыда, неловкости или унижения: **觉得很丢脸** («Мне очень стыдно / неловко») / **真丢脸** («Действительно позорно») / **太丢脸了** («Это слишком унижительно») / **大丢脸** («Большой позор», «серьёзная потеря лица»); 2) «Потеря лица» как ущерб семейной и межличностной репутации. Здесь **丢脸** актуализирует значение нарушения чести и достоинства семьи, уважаемых лиц или близкого окружения – ситуации, когда человек «подводит» значимых других в глазах общества: **我们决不能给祖国，给毛主席丢脸，我们红三连的阵地是守得住的！** («Мы не имеем права опозорить Родину и председателя Мао; третья красная рота удержит свои позиции!»), **怎能做这种事，替父母丢脸？** («Как можно совершить такой поступок и опозорить родителей?»); 3) «Потеря лица» как ущерб коллективной или национальной чести. В данном случае «потеря лица» интерпретируется как коллективный позор, затрагивающий репутацию страны, группы или нации: **这些蛀虫被捕，真是给整个军队丢脸** («Арест этих паразитов стал настоящим позором для всей армии») **工人多半是住在东伦敦，最给中国人丢脸的中国城** («Большинство рабочих жили в Восточном Лондоне, в Чайна-тауне, который в наибольшей степени позорил всех китайцев»); 4) Постыдный поступок как причина «потери лица». В эту группу входят конкретные ситуации, приводящие к потере лица и часто связанные с моральными проступками или нарушением социальных норм: **我做下丢脸事没脸活人了** («После такого позорного поступка мне стыдно жить среди людей») **只要安全无事，什么丢脸的事我都愿意干** («Если это безопасно, я готов совершить даже постыдный поступок»); **丢脸** как оскорбительное или дисциплинирующее высказывание. В подобных контекстах лексема функционирует как инструмент социального давления, направленного на порицание или нравственное наставление адресата: **丢脸！丢脸！丢尽了空军的脸！** («Позор! Позор! Ты опозорил военно-

воздушные силы!»), **走，你个丢脸的丫头，妈还坐在门槛上傻等着你哪！** («Иди отсюда, позорная девчонка – мать всё ещё сидит на пороге и ждёт тебя!»); 7) Определение границ «потери лица». Персонажи обсуждают, какие действия следует считать позорными, тем самым формируя нормативные представления о допустимом поведении:

А: **《参加市里的比赛……万一输了，那可丢脸了！》** – «Если участвовать в городском конкурсе... а вдруг проиграю – вот это будет потеря лица!»

В: **《又没人硬拖你去，你如此畏畏缩缩的才丢脸呢！》** – «Никто тебя силой не тащит; твоя нерешительность – вот что по-настоящему позорно!»

《弗兰克，这没什么丢脸的，连认它出来的那种事儿也不丢脸。》 – «Фрэнк, в этом нет ничего постыдного; даже признать это – не потеря лица»;

8) «Потеря лица» как абсолютный и необратимый позор. В этих случаях **丢脸** приобретает гиперболизированное значение, обозначая тотальный, неизгладимый стыд: **《丢脸丢一辈子》** («Потеря лица» (позор) на всю жизнь») **《真是丢脸丢到家了》** («Потеря лица» в крайней степени).

Таким образом, приведённые выше примеры демонстрируют многослойную структуру концепта **丢脸**, отражающую как индивидуальные эмоциональные реакции, так и социально-нормативные механизмы регуляции поведения, характерные для современного китайского литературного дискурса.

Результаты исследования позволили уточнить семантическую структуру и этнокультурную специфику концепта «потери лица», функционирующего как ключевой элемент соматического и социо-нормативного кода китайской лингвокультурной системы. Комплексный анализ лексикографических источников, классических текстов, корпусных данных прессы, художественной литературы различных исторических периодов, материалов современной интернет-коммуникации, обеспечил возможность рассмотрения данного концепта как в диахроническом, так и в синхронном аспектах. Полученные результаты свидетельствуют о наличии устойчивого семантического ядра концепта. Чувства стыда, нарушение социальных норм, утрата репутации и несоответствие коллективным ожиданиям сохраняют свою значимость во всех типах дискурса. Вместе с тем фиксируются новые тенденции, постепенно приобретающие

нормативный характер в современной коммуникативной практике. В интернет-дискурсе «потеря лица» всё чаще получает положительную оценочную интерпретацию, сопровождается элементами самоиронии и юмора и осмысливается как стимул к самосовершенствованию, исправлению ошибок и личностному росту. Подобные изменения отражают синкретизм традиционных представлений о «лице» с новыми социальными реалиями.

Интегрированная методологическая рамка позволила раскрыть диахронические проявления концепта «потери лица» в классических и постклассических текстах, лексикографических источниках, лингвистическом корпусе Пекинского университета языка и культуры (BLCU), тем самым была подтверждена многослойность структуры концепта, включающей эмоциональные, нравственные, статусные, регулятивные и поведенческие компоненты.

Наряду со стереотипным восприятием «потери лица» как стыда, репутационных потерь и социальной несостоятельности были выявлены значения, связанные со страхом оценки, стратегиями избегания, механизмами самоконтроля и эмоциональной саморегуляции.

Сопоставительный дискурс-анализ выявил последовательную историческую эволюцию концепта. В древней историографии (например, «Ши цзи») «потеря лица» соотносится прежде всего с нравственным проступком в рамках конфуцианской этики. Поэзия эпохи Тан акцентирует эмоциональную сдержанность и тонкие переживания смущения. В повествовательной литературе Мин и Цин семантическое поле расширяется за счёт социальной оценки, семейной чести и иерархических норм. Литература XX века связывает «потерю лица» с социальной несправедливостью и коллективным нравственным напряжением. Корпусные данные BLCU подтверждают устойчивость данного концепта как морально-социального регулятора, связанного с публичной оценкой, семейным позором, нравственным и сексуальным бесчестьем, а также ущербом региональному и национальному престижу.

Современный пресс-дискурс вводит государственно-национальные и дидактические интерпретации, включая категорию «лица» в политическую риторику и идеологические конструкции. Результаты корпусного анализа раздела «Диалоги», с одной стороны, под-

тверждают ранее выдвинутое положение о том, что стереотипные высказывания, закреплённые в лексической системе языка, формируют мировидение его носителей (Даулет, 2019); с другой – демонстрируют, что новые социальные реалии, обусловленные глобальными трансформациями современности, способны изменять восприятие ключевых национальных концептов в пределах лингвокультурной системы.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что концепт «потери лица» представляет собой значимую ментальную единицу китайской лингвокультурной системы и продолжает функционировать как важный механизм социальной регуляции в современном китайском обществе. Анализ лексикографических данных, диахронических текстов, корпусных материалов подтверждает относительную устойчивость его семантического ядра, основанного на представлениях о стыде, моральной оценке, социальных нормах и коллективных ожиданиях.

Важным научным открытием данного исследования является то, что в статье впервые в научной литературе показаны адаптивные и рефлексивные характеристики концепта «лицо», а также то, что данный концепт в современном китайском дискурсе может функционировать как механизм саморегуляции, поведенческой коррекции и личностного развития. Результаты корпусного анализа по разделу 对话 (диалоги), взятые из популярных платформ интернет-коммуникации, показали, что интерпретация изучаемого концепта в современном китайском дискурсе не является статичной. В частности, среди молодых носителей языка – активных пользователей онлайн-платформ – «потеря лица» приобретает новые характеристики. Эти процессы отражают взаимодействие традиционной ценностной системы с современными коммуникативными практиками, прежде всего в условиях цифровой публичности.

В более широком сравнительном аспекте концепт «потери лица» может рассматриваться как объект межкультурного анализа – как в рамках родственных по типологическим и генетическим параметрам языков, так и при сопоставлении с языками, существенно отличающимися по своей структуре. Подобные исследования имеют

значение не только для теории лингвистики, но и для практики межкультурной коммуникации, поскольку позволяют уточнить нормативные установки и ценностные ориентиры различных культур.

Таким образом, «потеря лица» выступает одним из ключевых индикаторов современного китайского социума, отражая взаимодействие и диалог культурно-традиционных ценностей и современных коммуникативных практик, а также социальные и культурные трансформации и изменения в нормативных ориентациях современной китайской лингвокультуры.

Вклад авторов

Даулет Фатимабиби Ногайкызы – разработала концепцию исследования, определила его методологию, провела анализ научной литературы, лексикографический и корпусный анализ, осуществила интерпретацию результатов исследования, подготовила основной текст статьи. Вклад – 70%.

Апаева Софья Хусейновна – участвовала в обсуждении концепции исследования, анализе отдельных материалов, редактировании текста, проверке библиографического аппарата и подготовке рукописи к публикации. Вклад – 30%.

Литература

- Большой китайско-русский словарь. (1983). Т. 4. М.: Наука.
- Brown P., Levinson S. C. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chen R. (1993). Responding to compliments: A contrastive study of politeness strategies between American English and Chinese speakers // Journal of Pragmatics, 20(1): 49–75.
- Даулет Ф.Н. (2019). Актуализация концепта «лицо» в китайской языковой картине мира // Восток (Oriens), 4: 156–176. DOI: 10.31857/S086919080006142-3
- Daulet, F., et al. (2019). Somatic cultural code and its role in the Chinese linguistic worldview (based on the concepts of “face” and “heart”). Humanities & Social Sciences Reviews, 7(4), 703–710. DOI: 10.18510/hssr.2019.7490.
- Даулет Ф.Н. (2020). Лингвокогнитивный эксперимент как ключ к китайской языковой картине мира: концепт 丢脸 – «потеря лица» // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. № 3. С. 20–36.
- Gu Y. (1990). Politeness phenomena in modern Chinese // Journal of Pragmatics, 14(2): 237–257.
- Haugh M., Hinze C. G. (2003). A metalinguistic approach to face, facework and politeness in Japanese // Pragmatics, 13(2): 129–160.
- Hinze C. G. (2012). Chinese politeness is not about ‘face’: Evidence from the business world // Journal of Politeness Research, 8(1): 11–27.
- Ho D. Y. F. (1976). On the Concept of Face // American Journal of Sociology, 82(4): 867–884.
- Hu H. C. (1944). The Chinese Concepts of “Face” // American Anthropologist, 46(1): 45–64.
- Huang G. (2010). Renqing yu mianzi (“Good Relations” and the “Face”). Beijing: Zhongguo Renmin Daxue Chubanshe.
- Kádár D. Z., Haugh M. (2013). Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kong D., Wong Y.L.I., Dong X. 2020. Face-Saving and Depressive Symptoms Among U.S. Chinese Older Adults // Journal of Immigrant and Minority Health, 22(5): 888–894.
- Хроленко А. Т. (2009). Основы лингвокультурологии. М.: Флинта.
- Lin Y. (1936). My Country and My People. London–Toronto: William Heinemann Ltd.
- Lu Xun. (1934). Complete Works of Lu Xun (鲁迅全集).
- Mao L. (1994). Beyond politeness theory: ‘Face’ revisited in Chinese culture // Journal of Pragmatics, 21(5): 451–486.
- Макгован Дж. (2017). Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни. М.: Ленанд.
- Qi X. (2011). Face: A Chinese concept in a global sociology // Journal of Sociology, 47(3): 279–295.
- Ruhi Ş., Kádár D. Z. (2011). ‘Face’ across historical cultures // Journal of Historical Pragmatics, 12(1–2): 25–48.
- Sun G., Shen F., Ma X. (2021). The Influence of Face on Online Purchases: Evidence From China // Frontiers in Psychology, 12: 788063. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.788063.
- Smith A. H. (1890). Chinese Characteristics. URL: <http://library.umac.mo/ebooks/b26028645.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).
- Tang M., Li C., Cao B., You J. (2022). Risk or Return? The Effect of Face Consciousness Influences on the Career Construction of Chinese Rural Dwellers in Urban Areas // Frontiers in Psychology, 13: 870655. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.870655.
- Xu L., Liu J., Liang L., Wu T. (2023). The Effect of Social Network Use on Chinese College Students’ Conspicuous Consumption: A Moderated Mediation Model // Behavioral Sciences, 13(9): 732. DOI: 10.3390/bs13090732.
- Yan T.-Y., Lian T.-C., Cheng H.-F. (2024). What Is “Face”? Correlation between the Meaning of Young People’s “Face” and Contingencies of Self-Worth // Bulletin of Educational Psychology, 56(2): 333–356. DOI: 10.6251/BEP.202412_56(2).0005.
- Yang D. (2012). Hanyu yu wenhua jiaoji (Chinese Language and Intercultural Communication). Beijing: Beijing Daxue Chubanshe.
- Zhai X. (2011). Zhongguo ren de lianmian guan (The Chinese Concept of Face). Beijing: Beijing Daxue Chubanshe.

Zhou B., Zhang S. (2024). Exploring Mianzi Consciousness Congruence and Its Impact on Unethical Pro-Organizational Behavior // *BMC Psychology*, 12: 428. DOI: 10.1186/s40359-024-01934-z.

Zhou L. (2010). Politeness and Face in Contemporary Chinese Interaction // *Journal of Pragmatics*, 42(10): 2582–2596.

Жинкин Н. И. (1998). О кодовых переходах во внутренней речи. М.: Лабиринт.

Словари:

Большой китайско-русский словарь. Москва: Наука, Т. 4, 1983.

Гу ханьюй чэньюй цыдянь (《古汉语成语词典》). Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2008.

Ханьюй чэньюй да цыдянь (《汉语成语大词典》). Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2002.

Чжунго чэньюй цюаньцзи (《中国成语全集》). Пекин: Хуаюй цзясюэ чубаньшэ, 2005.

Чжунхуа чэньюй да цыдянь (《中华成语大词典》). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2010.

Корпусы и интернет-источники:

Корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (北京语言大学语料库): поисковый запрос 丢脸. Пекинский университет языка и культуры. Доступно по адресу: <https://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/2/%E4%B8%A2%E8%84%B8> (дата обращения: 12 марта 2025 г.).

References

Brown, Penelope & Levinson, Stephen C. (1987): *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press.

Chen, Rong (1993): Responding to compliments: A contrastive study of politeness strategies between American English and Chinese speakers. *Journal of Pragmatics*, 20(1), 49–75. Daulet, Fatimabibi et al. (2018): Cultural Codes of Ancient Cults in Chinese and Kazakh Phraseology. *XLinguae*, 11(2), 583–596.

Daulet, Fatimabibi (2019): Aktualizatsiia kontsepta “litso” v kitaiskoi iazykovoi kartine mira (Actualization of the concept of “face” in the Chinese linguistic worldview). *Vostok (Oriens)*, 4, 156–176.

Daulet, F., et al. (2019). Somatic cultural code and its role in the Chinese linguistic worldview (based on the concepts of “face” and “heart”). *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(4), 703–710. DOI: 10.18510/hssr.2019.7490.

Daulet, F.N. (2020). Lingvokognitivnyy eksperiment kak klyuch k kitayskoy yazykovoy kartine mira: kontsept 丢脸 – «poterya litsa». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie*, 3, 20–36.

Gu, Yueguo (1990): Politeness phenomena in modern Chinese. *Journal of Pragmatics*, 14(2), 237–257.

Haugh, Michael & Hinze, Carl G. (2003): A metalinguistic approach to face, facework and politeness in Japanese. *Pragmatics*, 13(2), 129–160.

Hinze, Carl G. (2012): Chinese politeness is not about ‘face’: Evidence from the business world. *Journal of Politeness Research*, 8(1), 11–27.

Ho, David Y. F. (1976): On the Concept of Face. *American Journal of Sociology*, 82(4), 867–884.

Hu, Hsien Chin (1944): The Chinese Concepts of “Face”. *American Anthropologist, New Series*, 46(1), 45–64.

Huang, Guangguo (2010): Renqing yu mianzi (“Good Relations” and the “Face”). Beijing, Zhongguo Renmin Daxue Chubanshe.

Kádár, Daniel Z. & Haugh, Michael (2013): *Understanding Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press.

Kong D., Wong Y.L.I., Dong X. 2020. Face-Saving and Depressive Symptoms Among U.S. Chinese Older Adults // *Journal of Immigrant and Minority Health*, 22(5): 888–894.

Lin, Yutang (1936): *My Country and My People*. London–Toronto, William Heinemann Ltd. Lu, Xun (1934): *Complete Works of Lu Xun (鲁迅全集)*. Chinese Marxist Literature Archive. Luriia, Aleksandr R. (1979): *Iazyk i soznanie (Language and Consciousness)*. Moscow, Moscow State University Press.

Mao, L. (1994): Beyond politeness theory: ‘Face’ revisited in Chinese culture. *Journal of Pragmatics*, 21(5), 451–486.

McGowan, James (2017): *Kitaitsy u sebia doma: ocherki semeinoi i obshchestvennoi zhizni (Chinese at Home: Essays on Family and Social Life)*, translated by V. V. Lamansky. Moscow, Lenand.

Qi, Xiaoying (2011): Face: A Chinese concept in a global sociology. *Journal of Sociology*, 47(3), 279–295.

Ruhi, Şükriye & Kádár, Daniel Z. (2011): ‘Face’ across historical cultures: A comparative study of Turkish and Chinese. *Journal of Historical Pragmatics*, 12(1–2), 25–48.

Sun G., Shen F., Ma X. 2021. The Influence of Face on Online Purchases: Evidence From China // *Frontiers in Psychology*, 12: 788063. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.788063.

Smith, Arthur H. (1890): *Chinese Characteristics*. Available at: <http://library.umac.mo/ebooks/b26028645.pdf> (accessed 21 March 2025).

Tang M., Li C., Cao B., You J. (2022). Risk or Return? The Effect of Face Consciousness Influences on the Career Construction of Chinese Rural Dwellers in Urban Areas // *Frontiers in Psychology*, 13: 870655. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.870655.

Xu L., Liu J., Liang L., Wu T. (2023). The Effect of Social Network Use on Chinese College Students’ Conspicuous Consumption: A Moderated Mediation Model // *Behavioral Sciences*, 13(9): 732. DOI: 10.3390/bs13090732.

Yan T.Y., Lian T.C., Cheng H.F. (2024). What Is “Face”? Correlation between the Meaning of Young People’s “Face” and Contingencies of Self-Worth // *Bulletin of Educational Psychology*, 56(2): 333–356. DOI: 10.6251/BEP.202412_56(2).0005.

Yang, Defeng. (2012): *Hanyu yu wenhua jiaoji (Chinese Language and Intercultural Communication)*. Beijing, Beijing Daxue Chubanshe.

- Zhai, Xuewei (2011): *Zhongguo ren de lianmian guan* (The Chinese Concept of Face). Beijing, Beijing Daxue Chubanshe.
- Zhou B., Zhang S. (2024). Exploring Mianzi Consciousness Congruence and Its Impact on Unethical Pro-Organizational Behavior // *BMC Psychology*, 12: 428. DOI: 10.1186/s40359-024-01934-z.
- Zhou, Ling (2010): Politeness and Face in Contemporary Chinese Interaction: A Discursive Approach. *Journal of Pragmatics*, 42, 10, 2582–2596.

Dictionaries:

- Bolshoi kitais'ko-russkii slovar' (Comprehensive Chinese–Russian Dictionary). Moscow, Nauka, vol. 4, 1983.
- Guhanyu Chengyu Cidian (《古汉语成语词典》). Beijing, Shangwu Yinshuguan, 2008.
- Hanyu Chengyu Da Cidian (《汉语成语大词典》). Beijing, Shangwu Yinshuguan, 2002.
- Zhongguo Chengyu Quanji (《中国成语全集》). Beijing, Huayu Jiaoxue Chubanshe, 2005.
- Zhonghua Chengyu Dacidian (《中华成语大词典》). Beijing, Zhonghua Shuju, 2010.

Corpora and internet sources:

- BLCU Chinese Linguistic Corpus (北京语言大学语料库): search query 丢脸. Beijing Language and Culture University. Available at: <https://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/2/%E4%B8%A2%E8%84%B8> (accessed 12 March 2025).

Сведения об авторах:

Даулет Фатимабиби Ногайқызы – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры китаеведения Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: fatima-dauletova@mail.ru).

Апаева Софья Хусейновна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызстан, e-mail: apayeva.sofya@mail.ru).

Information about the authors:

Fatimabibi Nogaykyzy Daulet – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: fatima-dauletova@mail.ru).

Sofya Khuseinovna Apaeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan, e-mail: apayeva.sofya@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Фатимабиби Ногайқызы Дәулет – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің қытайтану кафедрасы (Алматы, Қазақстан, e-mail: fatima-dauletova@mail.ru).

Софья Хусейновна Апаева – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Жүсіп Баласағұн атындағы Қырғыз ұлттық университеті (Бишкек, Қырғызстан, e-mail: apayeva.sofya@mail.ru).

Поступила 26 февраля 2026 года
Принята 30 июля 2026 года